

УДК 93/94 (479.224-25)

Зухба Мадина Ивановна

аспирантка кафедры новой, новейшей истории
и международных отношений Кубанского
государственного университета
тел.: (940) 998-25-68

Zukhba Madina Ivanovna

Postgraduate Student of the Department of Modern,
Contemporary History and International Relations of
Kuban State University
tel.: (940) 998-25-68

**К ПРОБЛЕМЕ НЕЗАВИСИМОСТИ АБХАЗИИ:
ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО
К НАСТОЯЩЕМУ**

**ON THE PROBLEM OF ABKHAZIA
INDEPENDENCE: FROM THE
HISTORICAL PAST TO THE PRESENT**

В статье исследована проблема независимости Абхазии в XX-XXI вв. Выявлены причины и предпосылки грузино-абхазского конфликта 1992-1993 гг., охарактеризован поствоенный переговорный процесс, изучены подходы к проблеме независимости Абхазии, дано определение процесса трансформации грузино-абхазского конфликта, рассмотрены сформировавшиеся после августа 2008 г. в абхазском общественно-политическом дискурсе тенденции по способам урегулирования грузино-абхазского конфликта.

The article explores the problem of independence of Abkhazia in the XX-XXI centuries. The causes and prerequisites of the Georgian-Abkhaz conflict of 1992-1993 have been revealed; post-war negotiation process has been characterized; the approaches to the problem of Abkhazia independence have been studied; the definition of the transformation process of the Georgian-Abkhaz conflict has been given and the tendencies to settling the Georgian-Abkhaz conflict formed after August 2008 in the Abkhazian social and political discourse are considered.

Ключевые слова: абхазская независимость, грузино-абхазский конфликт, переговорный процесс, вовлечение без признания, вовлечение путем сотрудничества, трансформация конфликта.

Key words: Abkhazian independence, Georgian-Abkhazian conflict, negotiation process, engagement without recognition, engagement through cooperation, conflict transformation.

Распад СССР и крушение «социалистического лагеря» способствовали формированию нового мирового порядка, привели к кардинальной перекройке политической карты мира, обозначив появление на ней большого числа новых суверенных государств. Поспешное принятие «актов о независимости» бывшими советскими союзными республиками, осуществлявшееся без учета возможных последствий произведенных территориальных и статусных изменений для автономных республик, привело к ряду вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве. Данный период оказался поворотным и для новейшей истории Абхазии, закрепивший в национальном сознании абхазского народа твердую необходимость достижения государственной независимости как безальтернативного гаранта сохранения и выживания абхазского этноса в качестве самобытной социокультурной общности. В результате грузино-абхазской войны 1992 – 1993 гг., окончившейся военным поражением Грузии, на постсоветском пространстве образовалась Республика Абхазия, фактическая независимость которой была закреплена в Конституции РА от 26 ноября 1994 г., провозгласившей Абхазию суверенным, демократическим, правовым государством [1].

Несмотря на актуальность исследуемой проблемы для современной науки и международных процессов, данная тема остается недостаточно изученной, с точки зрения истории вопроса и новых тенденций. В настоящее время различным аспектам проблемы посвящено большое количество научных исследований, среди которых можно выделить труды К. Кудрявцева [2], Д.И. Гулия [3], А.В. Фадеева [4], Б.Е. Сагария [5], С. Лакоба [6], Т.М. Шамба [7], Ф.З. Дзапшба [8] и др. Вместе с тем в отечественной и зарубежной историографии отсутствуют работы комплексного характера, полностью посвященные проблеме независимости Абхазии.

В связи с этим исследование процесса формирования и развития абхазской государственности представляется важным. Цель статьи – провести анализ проблемы независимости Абхазии в истории и политике. При анализе поставгустовских реалий применялся метод углубленных интервью.

В качестве источников были привлечены сборники материалов и документов по истории Абхазии, интервью автора с официальными представителями государственной власти Республики Абхазии, экспертами, общественными деятелями, которые позволили извлечь значительную информацию о важных аспектах статусного характера и основных тенденциях процесса грузино-абхазского мирного урегулирования.

Февральская революция, ознаменовавшая распад Российской империи в 1917 г., изменила политическую обстановку как в Закавказье в целом, так и в Абхазии в частности. И Абхазия, и Грузия встали на путь образования независимых государств. Так, в период с 1917 по 1921 гг. Абхазия являлась суверенным и независимым государством с четко установленными внешними границами. Суверенный статус абхазского государства в данный период подтверждается самостоятельным вхождением Абхазии в северокавказские интеграционные объединения, в которых Абхазия

обладала правом вступать в договорные отношения с другими государствами в качестве самостоятельного субъекта международного права; наличием легитимного органа государственной власти – Парламента (Абхазский народный совет); принятием Декларации и Конституции АНС; подписанием с Грузией соглашения от 9 февраля 1918 г., зафиксировавшем внешние границы Абхазии в пределах от р. Ингур до р. Мзымта [9, с. 26-27].

Установление советской власти в Абхазии 4 марта 1921 г. закрепило за ней статус Советской Социалистической Республики, Конституция которой легитимировала суверенитет и территориальную целостность абхазского государства в пределах собственных границ, а также наделила Абхазию правом свободного выхода из состава Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики [10]. Включение Абхазской ССР на правах автономии в состав Грузинской ССР в 1931 г. в юридическом отношении нелегитимно – изменение государственно-правового статуса Абхазии возможно было произвести лишь в рамках ЗСФСР, через которую Абхазия входила в СССР. Понижение статуса Абхазской ССР до статуса автономной республики в 1931 г., а также последующая дискриминационная политика грузинского руководства по отношению к абхазскому народу способствовала мобилизации этничности и росту националистических настроений в абхазском обществе. Массовые митинги и демонстрации с требованием выхода Абхазии из состава Грузии происходили в 1957, 1964, 1978 и 1989 г.

Современный этап борьбы народа Абхазии за независимость приходится на конец XX в. В 1989-1990 гг. парламент Грузии в одностороннем порядке стал принимать решения, которые фактически вели к упразднению автономного статуса Абхазии – хоть и усеченной, но государственности. В результате началась конституционная война законов, приведшая 14 августа 1992 г. к открытому вооруженному противостоянию между Грузией и Абхазией. Грузино-абхазский конфликт 1992-1993 гг., на наш взгляд, стал результатом неспособности сторон в условиях демонтажа советской системы и этнической мобилизации институционализировать государственно-правовые отношения. В числе предпосылок конфликта можно выделить следующие: «историческая память» абхазского народа, отягощенная негативным опытом совместного проживания; формирование «образа врага» как реакция на грузинский радикальный национализм; исчезновение сдерживающего фактора в лице СССР.

Переговорный процесс, последовавший за окончанием военных действий 30 сентября 1993 г., явился новым инструментом политического диалога по проблемам, затрагивавшим национальные интересы сторон, на высшем уровне.

Статус победителя в войне открывал для абхазской стороны новые возможности – участие в переговорном процессе на равноправной основе с Грузией характеризовал Абхазию в качестве самостоятельного субъекта политического диалога [11]. В то же время данный факт не исключал «асимметричности переговорной ситуации», при которой абхазская сторона ощущала собственную уязвимость на переговорах. Во многом прогресс или положительный исход на грузино-абхазских переговорах зависел как от позиции его непосредственных участников, так и от роли посредников, которые, по мнению некоторых исследователей, проявляя заинтересованность в конкретном исходе переговоров, не стимулировали стороны к поиску более гибких подходов и смягчению позиций [12, с. 25]. Политико-правовой формат и конъюнктурная атмосфера, в русле которой протекал диалоговый процесс, сужали перспективу достижения сторонами взаимоприемлемых решений. Посредническая деятельность России, ООН и СБСЕ (ОБСЕ), осуществляемая, как в ходе конфликта, так и в процессе его урегулирования, не всегда отражала беспристрастную и нейтральную позицию, что отразилось на эффективности переговорного процесса как политического инструмента урегулирования грузино-абхазского конфликта. В целом, послевоенный переговорный процесс каких-либо позитивных решений и действий не принес, поскольку периодическая эскалация напряженности между сторонами не способствовала выработке компромиссной модели государственно-правовых отношений между Абхазией и Грузией. Во многом данная ситуация объяснялась и диаметральнойностью позиций грузинской и абхазской сторон по принципиальным вопросам урегулирования, отсутствием политической гибкости, попытками реставрации советской модели государственно-правовых отношений без учета национальных интересов абхазов, акцентированием внимания на последствиях конфликта в отрыве от анализа его истоков. В результате, грузино-абхазский конфликт перешел в стадию стагнирующей неопределенной конфронтации. Переговорный процесс окончательной зашел в тупик в июле 2006 г., после ввода Грузией в верхнюю часть Кодорского ущелья воинских подразделений и размещения там «правительства Абхазии в изгнании». Между тем, в соответствии с Московским соглашением «О прекращении огня и разъединении сил» еще от 14 мая территория Кодорского ущелья являлась демилитаризованной зоной [13, с. 339-341].

Августовские события 2008 г. и последующее признание Российской Федерацией независимости Республики Абхазия полностью изменили расстановку сил на Кавказе, контекст конфликта и основные механизмы его урегулирования. В целом не изменив исходные позиции и целевые установки сторон по принципиальным вопросам урегулирования, августовский кризис, вместе с тем, способствовал форми-

рованию нового восприятия и новых тенденций в отношении конфликта.

Август 2008 г. актуализировал вопрос пересмотра западной политики в отношении Абхазии и Южной Осетии. Абсолютная приверженность территориальной целостности Грузии и политике «стратегического терпения», заявленной в качестве официальной позиции США и европейских государств на Южном Кавказе, подверглась критике в академических и экспертных кругах Запада. «Стратегическое выжидание» предлагалось сменить на «проактивную политику» в регионе, а «территориальную целостность» Грузии заменить на нейтральную для всех сторон формулировку – «суверенитет» [14, р. 70]. В то же время, определяющей в отношении Абхазии, по мнению, как экспертного сообщества, так и западных акторов, должна стать политика «непризнания». Основу «политики непризнания» заложил разработанный в конце 2009 г. непубличный документ Комитета по вопросам политики и безопасности ЕС «О непризнании в отношении Абхазии и Южной Осетии и параметрах политики участия ЕС». Главным принципом европейской стратегии стала формула – «не признавать, но взаимодействовать». Официально не признавая политический статус Абхазии, европейская стратегия предполагает взаимодействие с Республикой на «политическом, экономическом, общественном» уровнях [15].

Официальное продвижение европейской стратегии «вовлечение без признания» было возложено на Специального представителя ЕС по Южному Кавказу Питера Семнеби, предельно ясно обозначившего стратегические цели европейской «политики непризнания»: «Политика непризнания и взаимодействия была разработана и взята на вооружение ЕС в декабре 2009 года... В ее основе две поддерживающие друг друга опоры: приверженность Европейского союза идее территориальной целостности Грузии в рамках признанных международным сообществом границ, с одной стороны, и заинтересованность во взаимодействии с Абхазией и Южной Осетией, с другой» [16].

Вовлечение Абхазии рассматривается Европой как использование «мягкой силы» для сохранения открытых каналов коммуникации и защиты собственных интересов [15]. Как отмечают Кули и Митчелл, стратегия «вовлечения без признания» направлена, в первую очередь, не на восстановление территориальной целостности Грузии, так как решение данной проблемы хотя и является желательной, но вместе с тем остается долгосрочной целью, а на недопущение дальнейшего роста влияния России в регионе и укрепление посреднической роли Запада в отношениях с Абхазией [17]. Важным пунктом стратегии «вовлечения без признания», на наш взгляд, является положение, согласно которому приобщение Абхазии к европейским стандартам и общечеловеческим ценностям, а также взаимодействие на политическом, экономическом, социальном, культурном уровнях предполагается осуществлять не обязательно через Тбилиси, а напрямую с Абхазией для того, чтобы «европейский путь к взаимодействию с Сухуми заслужил доверие и оказался эффективным» [18, р. 60-61].

Несмотря на привлекательную возможность прорыва международной изоляции, и диверсификации своих контактов с внешним миром, абхазская сторона достаточно скептически отнеслась к европейским инициативам по взаимодействию. Во многом причиной тому стало принятие правительством Грузии в январе 2010 г. собственной «Государственной стратегии в отношении оккупированных территорий: Вовлечение путем сотрудничества», призванной достичь полной «деокупации» Абхазии и Южной Осетии. Вовлечение последних предполагается осуществить посредством мирной реинтеграции их территорий и населения в конституционное пространство Грузии [19]. Государственная стратегия – политический документ, подготовленный для широкой аудитории, а именно: населения Грузии, населения Абхазии и Южной Осетии, международного сообщества. В документе стратегии подчеркивается необходимость проведения мер по улучшению социально-экономического положения населения Абхазии, в то же время, все виды сотрудничества и контактов Абхазии с внешним миром предполагается осуществлять только через Грузию, что фактически предполагает переход Абхазии в правовое поле грузинского государства.

В целом, европейская стратегия «вовлечение без признания» и грузинская госстратегия «вовлечение путем сотрудничества» представляют собой поставгустовский подход к решению проблемы независимости Абхазии. Конечной целью обеих стратегий является восстановление территориальной целостности Грузии, посредством трансформации грузино-абхазского конфликта. Под трансформацией конфликта, мы понимаем комплексный механизм, направленный на изменение контекста конфликта, посредством взаимодействия сторон на официальном и неофициальном уровнях, построения и укрепления мер доверия, нивелирования «образа врага» в сознании общества, поиска взаимовыгодных и нейтральных форм сотрудничества, с целью переформулирования и воздействия на проблемы, затрудняющие процесс разрешения конфликта.

По мнению представителей гражданского общества Абхазии, трансформация – это такое развитие ситуации, при наступлении которой общество приобретает навыки для разрешения конфликта без применения силы, т.е. трансформация конфликта – это переход «из состояния войны в состояние мира посредством изменения контекста конфликта» [20].

Как полагает Н. Акаба, трансформация – это наиболее безболезненный способ разрешения

конфликта, подразумевающий уважение друг друга и признание за каждой стороной права на свободное развитие: «Трансформация – это, когда меняется сознание людей, когда появляются новые акты, переформулируются позиции и меняется сам контекст конфликта» [21].

Секретарь Совета Безопасности РА С. Лакоба считает, что трансформация конфликта сегодня понимается чересчур вольно [22]. Схожей позиции придерживаются и во внешнеполитическом ведомстве Абхазии. Как полагают сотрудники МИД РА, термин «урегулирование» гораздо более точно определяет действительность, использование трансформации при этом неприемлемо, так как данное понятие может в конечном итоге привести к деформации основополагающих позиций и интересов сторон [23].

Исходя из сказанного, можно предположить, что после августа 2008 г. в абхазском общественно-политическом дискурсе условно сформировалось два подхода по способам урегулирования грузино-абхазского конфликта.

1. Официальный, представители которого придерживаются классических методов урегулирования – разрешение конфликта возможно при достижении консенсуса по базовым официальным интересам сторон на основе принятия разового политико-правового решения, регулирующего отношения между Абхазией и Грузией. Трансформация же, следуя данной логике, не прогнозируема, т.к. она нейтральна по отношению к направлению развития конфликта.

2. Неофициальный подход, сторонниками которого выступают представители гражданского сектора, а также части экспертных и академических кругов. По мнению последних, урегулирование конфликта – длительный и сложный процесс трансформации, в котором от участников требуется более осознанное взаимодействие, способное стать фактором устойчивого и стабильного развития враждующих обществ.

В целом, перспективы урегулирования грузино-абхазского конфликта, на наш взгляд, зависят от степени обоюдной заинтересованности сторон в нейтрализации спорных вопросов, скорости преодоления этнической и социальной напряженности между грузинами и абхазами, а также успешной реализации политики по трансформации конфликта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Конституция Республики Абхазия от 26 ноября 1994 года // Государство (Официальный сайт Президента Республики Абхазия) URL: <http://www.abkhaziagov.org/ru/state/sovereignty/> (дата обращения 24.05.2012).
2. Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1992.
3. Гулия Д. История Абхазии. Тифлис, 1925. т. 1.
4. Фадеев А.В. Краткий очерк истории Абхазии. Сухум, 1934.
5. Сагария Б.Е. Национально-государственное строительство в Абхазии, 1921–1931. Сухуми, 1970.
6. Лакоба С. Очерки политической истории Абхазии. Сухум, 1990.
7. Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Правовые основы государственности и суверенитета. М., 2004.
8. Дзапшба Ф.З. Суверенитет Абхазии: историко-правовое обоснование. Саратов, 1995.
9. Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.) / сост. Р.Х. Гожба. Сухум, 2009.
10. Конституция 1925 года / Государство (Официальный сайт Президента Республики Абхазия) URL: http://www.abkhaziagov.org/ru/state/sovereignty/constitution_1925.php (дата обращения 24.05.2012).
11. Дамения О.Н. Абхазия на рубеже веков. СПб., 2011.
12. Акаба Н., Хинтба И. Трансформация грузино-абхазского конфликта: переосмысление парадигмы. Сухум, 2011.
13. Соглашение о прекращении огня и разъединении сил. 14 мая 1994 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. М., 2008.
14. Charap S., Welt C. A more proactive U.S. approach to the Georgia conflicts. CenterforAmericanProgress. February, 2011.
15. Фишер С. Вовлечение Абхазии необходимо Европе для сохранения открытых каналов коммуникации. URL: <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20987> (дата обращения: 23.06. 2012).
16. Семнеби П. Южный Кавказ в поисках общей идентичности: укрепление доверия и урегулирование конфликтов. URL: http://www.georgiamonitor.org/detail.php?ID=289&sphrase_id=125366 (дата обращения: 13.05.2012).
17. Кули А., Митчелл Л. ЕС не обязательно действовать в регионе через Тбилиси. URL: <http://www.iiss.org/programmes/russia-and-eurasia/about/georgian-russian-dialogue/caucasus-security-insight/russian-version-issue-3/russian-version-issue-2/a-direct-route-to-engagment-russian/> (дата обращения: 23.06. 2012).
18. Cooley A., Mitchell L. Engagement without recognition: A New Strategy Toward Abkhazia and Eurasia's unrecognized states // The Washington Quarterly, October, 2010.
19. Государственная стратегия в отношении оккупированных территорий. Вовлечение путем сотрудничества / Важные документы (Официальный сайт Аппарата государственного министра Грузии по вопросам реинтеграции) URL: <http://www.smr.gov.ge/docs/doc212.pdf> (дата обращения: 23.06. 2012).
20. Из интервью автора с сотрудником Центра гуманитарных программ (Сухум, Абхазия) Л. Кварчелия (12. 04. 2012).
21. Из интервью автора с Секретарем Общественной палаты Республики Абхазия Н. Акаба (10.03. 2012).
22. Из интервью автора с Секретарем Совета Безопасности Республики Абхазия С. Лакоба (14.04.2012).
23. Из интервью автора с сотрудниками Министерства иностранных дел Республики Абхазия (22.04.2012).